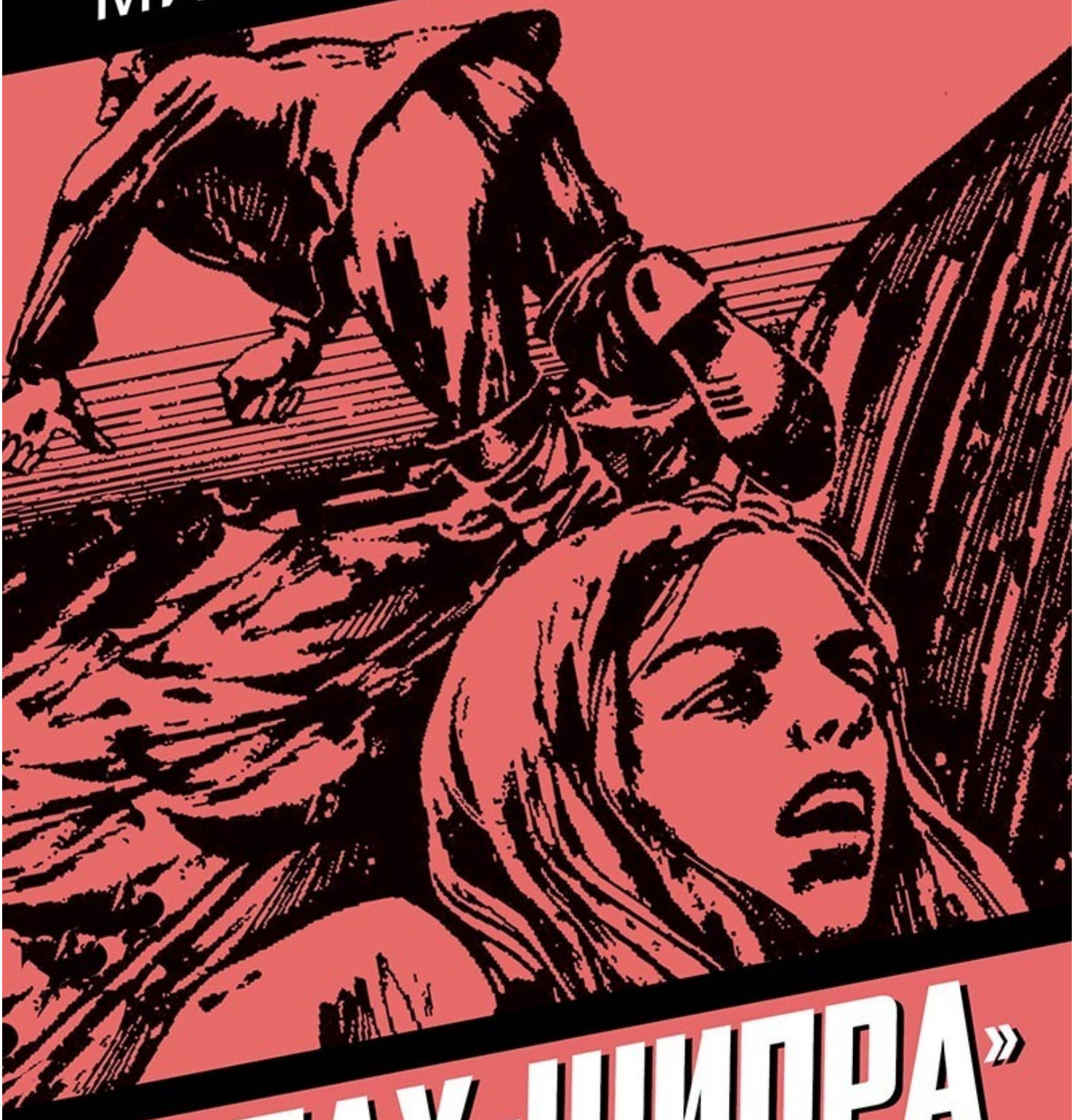
МИХАИЛ МИХЕЕВ

ЗАПАХ «ШИПРА»

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

Тайный фронт

Михаил Михеев

Запах «Шипра»

«Алисторус»
2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Михеев М. П.

Запах «Шипра» / М. П. Михеев — «Алисторус», 2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-191-3

Михаил Петрович Михеев (1911–1993) — замечательный советский поэт и признанный мастер остросюжетной литературы, корифей советского детектива, шпионского романа и фантастики. В центре внимания писателя — борьба оперативников с экономической преступностью. Детективная повесть «Запах „Шипра“» стала сенсацией 1976 года. В стабильной и безмятежной советской жизни хорошо устроились «жуки» — расхитители социалистической собственности. Главная героиня повести — сотрудница ОБХСС, приехавшая в незнакомый Новосибирск. Ее первым заданием стало внедрение в шайку работников торговли под видом товароведа. Воры, загнанные в угол, могут решиться и на убийство… Они готовы расшатать основы советского общества. Книга предназначена для любителей ретро-детектива, воссоздающего атмосферу советской жизни и для всех ценителей остросюжетной литературы.

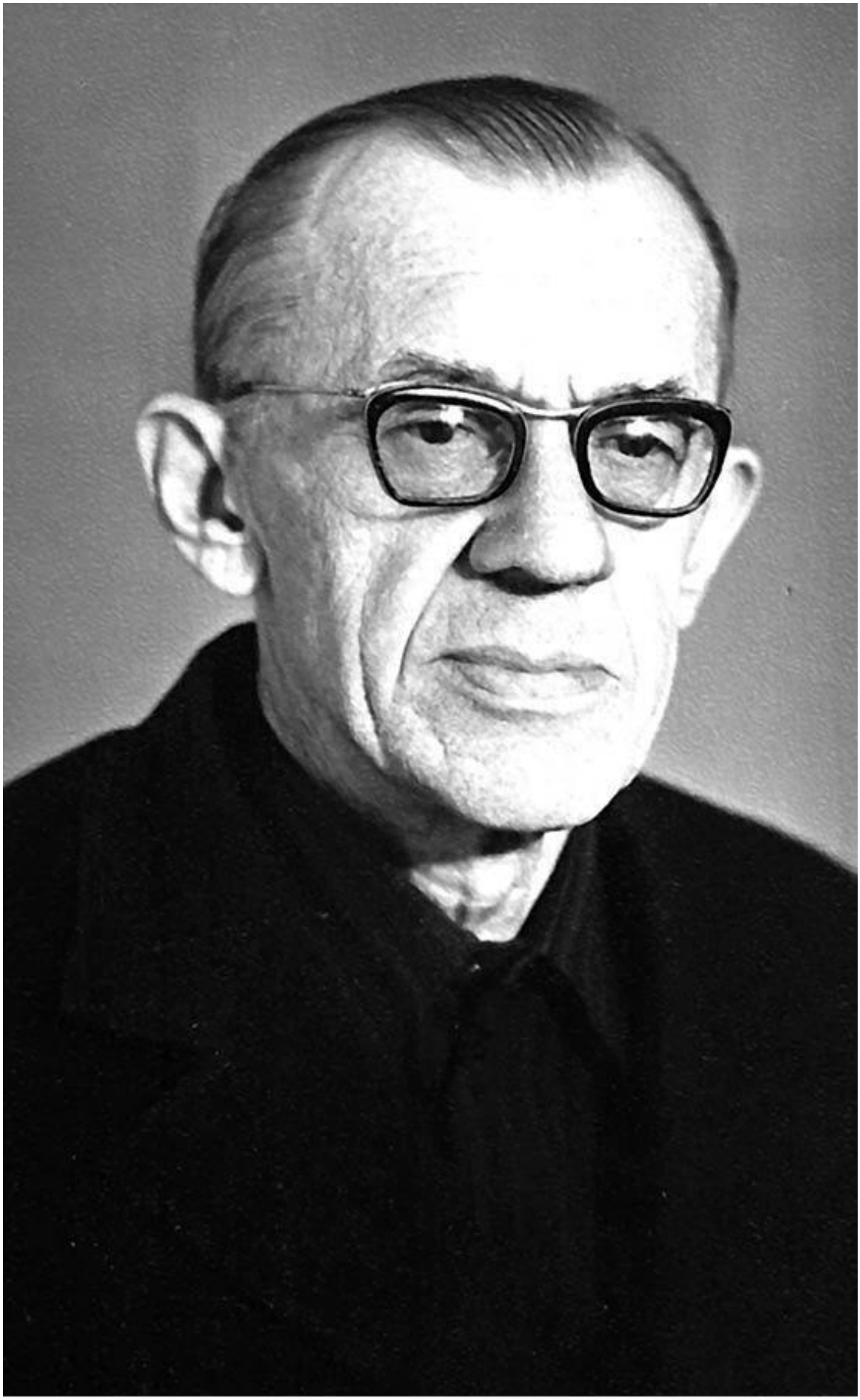
УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-191-3

© Михеев М. П., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

От автора 8
На новую работу 9
Трудное знакомство 25
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Михаил Михеев

Михаил Михеев
Запах «Шипра»

© Михеев М. П., правообладатели, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

…Потому что в этой драме,
будь ты шут или король,
дважды роли не играют,
только раз играют роль.
Ю. Левитанский

От автора

Хотя эта повесть начинается выпиской из подлинного протокола следствия, все же прошу читателя не принимать ее за документальное изображение действительных событий, а персонажей повести – за конкретных людей.

…Главный бухгалтер Комбината предложил начальнику отдела снабжения выписать с Главного склада Торга ткани или другой товар, а вместо товара получить наличные деньги, чтобы присвоить их и поделить между собой. Главный бухгалтер заверил начальника отдела снабжения, что сумеет скрыть эту преступную операцию по бухгалтерскому учету…

…Зав. Главного склада выписала фактуру (заборный лист) о том, что якобы она отпустила через начальника отдела снабжения для Комбината 98 метров драпа на сумму 4410 руб…

…начальник отдела снабжения получил свою долю и поделился с главным бухгалтером…

Из протокола следствия.

Следствие началось до того, как я вышла из больницы.

…Я вчитываюсь в скупые строчки следовательского протокола и понимаю, как много еще труда и времени потребуется следователям, экспертам и ревизорам, пока не будут выяснены все детали этого темного воровского дела. Фальшивые фактуры, подложные записи, приписки в актах уценки и многие другие жульнические операции найдут свое место в протоколах дознания.

Вот только о событиях, которые положили начало этому следствию, о событиях, в которых я принимала самое непосредственное участие, ни в следственных материалах, ни в обвинительном заключении не будет сказано ничего…

На новую работу

1

Самолетом до Новосибирска можно было долететь за несколько часов. Поезд шел двое суток.

Я решила ехать поездом.

Я покидала город, в котором родилась, где прошла моя юность, где я училась, любила, мечтала завести семью… Судьба вдруг обрушила на меня столько бед, что мне захотелось очутиться на новом месте, где ничто тебе не напоминает о прошлом, никто тебя не знает и ты тоже не знаешь никого.

В двадцать шесть лет нелегко менять город, привычки, привязанности. Поэтому мне нужны были эти двое суток бездумного вагонного существования, как пауза водолазу, который поднимается на поверхность из океанских глубин.

О том, какое задание мне дадут в Новосибирске, я не знала ровным счетом ничего.

Командировка была секретной. Подполковник Свиридов сказал, что сам предложил новосибирскому ОБХСС мою кандидатуру, а все подробности я узнаю на месте. Я передала ему письмо к матери, как всегда незапечатанное, с номером вместо адреса, и пошла получать документы.

Паспорт я получила новый, на прежнюю девичью фамилию, и снова стала Грошевой: Евгения Сергеевна Грошева, торговый работник, бывшая студентка третьего курса Торгового института.

Паспорт и справка из института были подлинными, но вот трудовая книжка с записью, что я последние три года работала товароведом магазина Военторга, не соответствовала фактам – эти три года я проучилась в школе милиции. Моя биография в личном деле, наверное, тоже производила странное впечатление: «отец – лейтенант милиции, погибший при исполнении служебных обязанностей; мать – торговый работник, осуждена по статье 93 „прим“ на восемь лет заключения в колонии строгого режима…»

В Торговый институт я поступила по настоянию матери, которая тогда заведовала отделом универмага. Среднюю школу я закончила хотя и с золотой медалью, но без особых склонностей к какому-либо предмету; мне было все равно, куда поступать. Отца помнила плохо, он погиб, когда я только пошла в школу. Так я и росла, единственная дочь у матери, избалованная, по-детски эгоистичная и беззаботная. Училась на пятерки и не вникала в домашние дела.

А мать снова вышла замуж…

Отчим мне понравился. Он был остроумен и красив, – работал кем-то в Управлении торговли. Мы вскоре переехали в новую квартиру, быстро обзавелись импортной мебелью; следом у нас появились дача, «Волга»; о нарядах я уже и не говорю. Если бы я хоть на минуту задумалась, то сразу бы поняла, что живем мы явно не по средствам. Но в то время я увлеклась студенческим театром, играла на клубной сцене – кажется, что-то получалось – и мне не хватало времени подумать и оглядеться…

Милицейская машина прибыла к нам в шесть часов утра. И я, еще ничего не понимающая, осталась в квартире одна. А вечером меня вызвал следователь, и тут я узнала, кто был мой отчим и кем стала моя мать.

В институт я больше не пошла. Мне было стыдно показаться на глаза прежним товарищам. Я была соучастницей воровства, жила на ворованные деньги, мое неведение не было для меня оправданием. Я поняла, что не смогу больше ни учиться, ни работать в торговой сети. Что

для искупления моих вольных или невольных грехов у меня в жизни осталась одна дорога… Подполковник Свиридов помнил моего отца. Меня приняли в школу милиции.

Я закончила школу совсем недавно, моя командировка была первым серьезным поручением.

На вокзал меня никто не провожал – я никому не сказала о своем отъезде. Последнее время я носила милицейскую форму, но ехать надо было в штатской одежде. Мои вещи уместились в туристскую сумку и чемодан. Я не взяла с собой ни книг, ни безделушек – вещей, которые напоминали бы о прошлом. Мой любимец плюшевый Микки Маус остался перед зеркалом туалетного столика. Микки Маус ни в чем не был виноват, но это был подарок Игоря, а вот об Игоре мне меньше всего хотелось вспоминать.

Шел сентябрь, мой путь лежал в Сибирь. Я решила, что удобнее всего ехать в нейлоновой куртке и черных джинсах. Джинсы были еще студенческие, они валялись на дне старого чемодана. Там же наткнулась на сверток голубой фланели, и у меня больно сжалось сердце… может быть, все пошло бы иначе, появись у меня ребенок. Но мой сын не захотел родиться живым.

Я оставила Игорю записку. Он жил у своих родителей, но все еще был прописан здесь, по улице Урицкого, 50. Я написала, что он может распорядиться квартирой и оставшимися вещами как пожелает.

Вместо подписи положила на записку ключ от дверей квартиры, плоский ключик от американского замка…

Свое нижнее место в купе я уступила попутчице, женщине чуть постарше меня, но полной, да еще в узенькой мини-юбочке – лазить в ней на верхнюю полку было весьма затруднительно, тем более что второе нижнее место занял мужчина – пожилой папа с дочерью-старшеклассницей, которая тоже забиралась на верхнюю полку без труда.

Ночью долго не могла уснуть.

Мимо вагонного окна мчалась черная осенняя ночь, осыпая стекло капельками дождя. Поезд с грохотом уносил меня в неведомое будущее… так хотелось, чтобы оно было ко мне добрее, нежели прошлое.

А когда забылась в тревожном полусне, то чуть не упала на пол. Показалось, что лежу дома в постели, рядом спит Игорь, и я все отодвигаюсь и отодвигаюсь от него…

2

Только утром мне удалось заснуть, зато так крепко, что я не слыхала, как отец с дочерью покинули купе и пришли новые пассажиры.

Открыв глаза, долго спросонья рассматривала нависшую над головой багажную полку и вдруг почувствовала чей-то внимательный взгляд.

Я быстро повернула голову.

На верхней полке вместо вчерашней девочки-школьницы сейчас лежал молодой мужчина в зеленой армейской рубашке. Он не успел отвести взгляда, очень смутился и этим понравился мне – всегда ценила такую застенчивость; хваленая мужская напористость никогда не производила на меня доброго впечатления. По-моему, у мужчин достаточно других способов доказать свою принадлежность к сильному полу.

На крючке висели китель и форменная фуражка с серебряными крылышками – значит, мой новый сосед имел отношение к «небесным» делам.

Мы разговорились уже в коридоре вагона. Летчика звали Леша. Нижнее четвертое место в купе занимал молчаливый старичок.

После завтрака Леша снабдил меня занятной книгой про физиков, «которые шутят», а сам на весь день засел в соседнем купе играть в преферанс.

Прошел обычный день пассажира дальнего следования. Неторопливые разговоры, чтение – у кого что есть, очередь к умывальнику, проводница с пылесосом, ворчащая на пассажиров, стаканы с чаем, буфетчица с коробкой беляшей… я всегда любила эти покупные беляши, которые ешь тут же, на улице, где-нибудь за углом, прихватив обрывком бумажной салфетки, обжигая руки горячим соком.

Вечером наш поезд подошел к большой станции, и проводница объявила стоянку на десять минут. Появилась возможность выбраться из вагона, размяться немного, заглянуть в книжный киоск. Люди валом валили в пригородную электричку, я едва пробилась на вокзал.

Киоск «Союзпечати» находился в углу зала, поблизости от входа в привокзальный ресторан.

Пока я рассматривала книги на прилавке, двери ресторана широко распахнулись, в зал вывалился кто-то пьяненький, следом из дверей донеслась песня, которую выводил хриплый баритон: «Не слышны в саду даже шорохи…»

– Весело у нас, – вздохнула продавщица. – Третье число – день получки. Тут скоро такие шорохи пойдут…

Из ресторана донесся звон стекла, песня оборвалась. В дверях появилась официантка, в обычном крохотном фартучке, с кружевной наколкой на голове.

– Валеру нашего не видели? – спросила она.

– Это милиционера, что ли? – продавщица даже не подняла глаз.

– Его, конечно.

– Недавно здесь был.

– Вот когда надо, его никогда на месте нет.

– А у вас когда не надо? Возле вас хоть целый день сиди. Поменьше бы поили мужиков. Все план выполняете.

Официантка неторопливо вернулась в ресторан. Шум продолжался. Что-то задребезжало, затем женский голос закричал испуганно: «Гена, Гена, зачем?!» Крик оборвался хлестким звуком пощечины.

– Господи! – сказала продавщица. – Да что у них опять там?

По многим причинам мне не следовало ввязываться в это пьяное ресторанное дело. Но я все-таки оставалась лейтенантом милиции, а за дверями ударили женщину.

Стол, за которым вспыхнул скандал, находился у самой двери. Я быстро сделала несколько шагов и успела перехватить поднятую руку. В руке была зажата бутылка из-под сухого вина, тяжелая и длинная, похожая на дубинку. Может быть, мужчина и не собирался ею ударить, а замахнулся, чтобы припугнуть, – рассуждать было некогда, мне приходилось видеть убитых одним ударом такой бутылки.

Мужчина держал ее за горлышко, поэтому мне удалось вырвать бутылку.

За столом находилось пять или шесть человек, в том числе две женщины. Одна вцепилась в рукав мужчины; вторая навалилась на стол, закрыв лицо руками, – видимо, пощечина досталась ей.

Мое вмешательство было неожиданным, все сразу замолчали.

Тот, у кого я вырвала бутылку, тоже притих.

Его глаза все еще были затянуты мутью пьяной ярости, а на столике под руками стояло много всякого стекла, и я следила за ним внимательно. Он ожидал увидеть кого угодно, только не меня – почти девчонку. На его лице читались удивление и растерянность.

Запал у него уже прошел. Я поставила бутылку на стол.

– Дурень! – сказала я. – Ею же убить можно.

Все дальнейшее могло обойтись и без моего участия. Меня выручил милиционер.

Он был молодой и деловитый, и ресторанные скандалы были ему не в диковинку. Официантка заспешила ему навстречу. Я прошмыгнула к дверям.

На перроне стоял встревоженный Леша.

– Где же вы были? Ищу, ищу! – закричал он. – Поезд отходит.

Он схватил меня за руку, и мы помчались по перрону. Проводница уже собиралась захлопнуть дверь. В вагон мы вскочили на ходу.

– Чего вас понесло в ресторан? – спросил Леша.

– Выпить захотелось, – ответила я.

3

К перрону новосибирского вокзала наш поезд подошел утром.

Леша нес мой чемодан, сумку я упрямо потащила сама. В просторном зале для ожидающих он смущенно потоптался возле меня, потом крепко, по-мужски, тряхнул мне руку и ушел… Я бы хотела иметь такого брата…

Подполковник Свиридов предупредил, что встречать меня никто не будет. Я сдала вещи в камеру хранения и вышла на привокзальную площадь.

Она была большой, под стать залу. Здесь стояло целое стадо автобусов, проскакивали такси, ползли, пощелкивая, троллейбусы. На обочине женщины продавали гладиолусы, смородину и подсолнухи. На противоположной стороне площади я увидела вывеску универмага и будки телефонов-автоматов.

Огромные часы на зеленом фасаде вокзала показывали местное время, и я перевела стрелки своих ручных часов. А вот здание универмага было старое и тесное. Я ничего не собиралась покупать, просто прошла вдоль прилавков, поднялась на второй этаж, в отдел готового платья. Я затерялась в толпе. Люди проходили мимо, пропускали вперед, отталкивали – незнакомые люди незнакомого города. Пока меня связывал с этим городом только номер телефона, который я получила от подполковника Свиридова в день отъезда.

В обувном отделе висел телефон-автомат, но было слишком людно. Я вышла к уличному автомату. Мне сразу ответил тот, кто был нужен, – полковник Приходько. Я назвала город, откуда приехала. Полковник помолчал несколько секунд, затем попросил меня перезвонить по новому телефону и сказал номер.

У меня не нашлось двух копеек, пришлось опустить в автомат гривенник. Ответил уже не полковник, а кто-то другой – мягкий, симпатичный, неофициальный голос.

– Где вы находитесь сейчас?.. Вещей с вами много?.. Тогда садитесь на любой троллейбус, кроме «двойки», сойдете на остановке «Кинотеатр имени Маяковского». Идите дальше по ходу троллейбуса, увидите пятиэтажный розовый дом, вверху – башенные часы, внизу – гастроном. Это так называемый «дом под часами». Войдите в угловой подъезд. Поднимитесь на третий этаж…

Я так и сделала.

Дверь мне открыли сразу, как только я нажала кнопку звонка. Мужчина в сером мятом пиджаке пригласил меня войти, выглянул в коридор и сразу закрыл за мной дверь.

Он и оказался владельцем симпатичного голоса, который я услыхала по телефону. И лицо у него было доброе.

– Борис Борисович, – назвался он. – А вы – Евгения Сергеевна, это я уже знаю.

Я прошла в комнату. Навстречу поднялся невысокий полный полковник. Я представилась. Он внимательно посмотрел на меня и предложил сесть.

Мой будущий начальник полковник Приходько показался мне суровым, официальным, и поначалу я чувствовала себя стесненно и тревожно. Так много в моей будущей судьбе зависело от него…

– Вы есть хотите? – спросил он.

Я ответила, что не хочу.

– Тогда будем чай пить.

Борис Борисович, как будто этого и ждал, сразу же принес из кухни подносик, на котором стояли стаканы с чаем, вазочка с пирожными и конфетами. Я послушно съела пирожное, хотя терпеть их не могла, выпила стакан чаю, отказалась от второго. Полковнику Борис Борисович принес второй стакан, сам он в нашем чаепитии участия не принимал, молча сидел на диванчике. Молчал и полковник.

Чем дольше длилось это молчанье, тем менее оно мне нравилось…

– Товарищ полковник, – сказала я. – Разрешите обратиться.

Полковник Приходько отодвинул в сторону стакан, положил руки на стол, переплел пальцы. Потом взглянул на меня и кивнул:

– Обращайтесь.

– Судя по всему, – начала я, – дело, которое вы собираетесь… или, по крайней мере, собирались мне поручить, – серьезное. И первоначальное знакомство со мной, мой вид… вызвал у вас сомнения.

Полковник Приходько согласно кивнул.

– По личным обстоятельствам, очень важным для меня обстоятельствам, я хотела бы остаться у вас. Работать в вашем отделении. Я не хочу возвращаться туда… домой. Конечно, я еще неопытный инспектор; я не знаю, какую работу придется мне выполнять, только прошу вас поверить, что постараюсь…

И тут мне вдруг стало стыдно за свою взволнованность, за несолидные, несерьезные, какие-то девчоночьи обещания, я смутилась.

Полковник Приходько улыбнулся, а мне стало совсем не по себе.

– Вы напрасно волнуетесь, Евгения Сергеевна. Вы все очень хорошо сказали, не нужно стесняться своих слов. Мое сомнение – это не недоверие к вам. Я уже познакомился с вашими документами. Вы учились в Торговом институте, закончили школу милиции, вас здесь, в городе, никто не знает, а это тоже важно. Словом, лучшей кандидатуры нам не найти. Но одно дело – знакомиться с человеком по документам, и совсем другое – увидеть этого человека перед собой. И вот я увидел вас и понял, чего мы здесь не учли. Вашу внешность.

Здесь я растерялась уже окончательно.

– Да, вашу внешность, – продолжал полковник Приходько. – Вы – молодая симпатичная женщина. Порядочная женщина. И эту вашу порядочность можно разглядеть за километр. И вам будет трудно. Значительно труднее, нежели мы все здесь думали, когда отрабатывали наш план.

Полковник встал, жестом остановил меня, я осталась сидеть, а он заложил руки за спину и молча прошелся взад и вперед по комнате.

Совсем его не понимая, я взглянула с надеждой на Бориса Борисовича, тот молча, хотя и ободряюще, улыбнулся.

– Вы играли когда-нибудь на сцене? – спросил полковник. – На любительской, разумеется. В школе, в институте?

– Да. В институте. У нас была театральная секция.

– И какие роли вы исполняли?

– Ну… например, Таню, в арбузовской пьесе.

– Понятно. Словом, играли порядочных девушек.

– Да… Так уж получилось…

– А вы помните, – продолжал полковник, – «Барабанщицу» Салынского?

– Конечно. Мы ставили и ее. Я играла Нилу Снижко.

– И как вы ее сыграли?

– Кажется, неплохо. Режиссер считал, что это была моя лучшая роль.

– Что ж, это хорошо. Даже очень хорошо. Почаще думайте о поведении вашей героини, особенно в первом акте.

Я уже начала догадываться.

– Эта роль вам здесь пригодится. Обязательно пригодится. Как, Борис Борисович, – повернулся полковник, – она еще и актриса, а?

Он шутил, но это была уже хорошая шутка, и мои тревоги рассеялись. Борис Борисович опять улыбнулся мне, как бы говоря: «Ну, вот видите, а вы беспокоились!»

– Но, – поднял палец полковник, – не думайте, что ваши театральные успехи сразу же снимут все трудности в задаче, которую мы собираемся предложить. Они только помогут вам выбрать лучшее решение.

Он присел к столу.

– Теперь о том немногом, что мы знаем и чем поначалу сможем вам помочь.

Память у меня была хорошая, я ничего не записывала, и, кажется, полковник Приходько остался этим доволен.

В заключение полковник сказал:

– Найдите нам зацепочку. Хотя бы одну. Маленький фактик, чтобы начать следствие…

4

К дому на Нарымской улице я вышла сразу.

Это была розовая железобетонная коробка в пять этажей. Прямо перед окнами росли четыре большущих тополя, чудом сохранившиеся после знакомства со строителями, возводившими дом. Правда, одному тополю, видимо башенным краном, начисто обломили верхушку, у другого содрали кору на стволе, но тополя выжили, оправились от ранений и, забыв обиды, буйно зеленели листвой.

Дверь моей будущей квартиры была распахнута настежь. На лестничной площадке, перед шкафом с электросчетчиками, стоял мужчина в безрукавке из искусственного меха. Он заглядывал в застекленное окно шкафа и ворчал:

– Вот черти! Надо же так установить – ничего не разглядишь!

Он услыхал мои шаги и, не поворачиваясь, подвинулся, чтобы меня пропустить.

Я остановилась за его спиной.

Конечно, это был мой будущий сосед Петр Иваныч – полковник Приходько сообщил о нем: бывший военный журналист, одинокий пенсионер, но еще работает консультантом в молодежной газете. О том, что я собираюсь здесь делать, не знает ничего.

– Разрешите, посмотрю, – сказала я.

Припадая на правую ногу, – я знала, что у него фронтовое ранение, – он отступил в сторону. Свет, падающий через лестничное окно, в самом деле был тусклым, но все же мне кое-как удалось прочитать цифры на счетчике.

– Спасибо! – поблагодарил он.

У него были резкие морщины на лице, мохнатые седые брови и по-детски чистые глаза. Я не уходила. Он выжидательно посмотрел на меня и вдруг, словно увидев давнюю знакомую, улыбнулся:

– Здравствуйте, Евгения Сергеевна!

– Здравствуйте. Но, может быть, я не Евгения Сергеевна, о которой вам, видимо, сказали, а, скажем, контролер «Энергосбыта». Или просто хожу и смотрю – что плохо лежит.

– Контролера «Энергосбыта» я знаю. А насчет «плохо лежит» – внешность неподходящая.

Опасения полковника Приходько не были беспочвенными…

– Что же я держу вас у дверей, – спохватился Петр Иваныч. – Проходите, пожалуйста.

В длинную узкую переднюю выходили двери двух комнат, одна из них была, следовательно, моя. Петр Иваныч представился мне, повторив почти слово в слово все, что сказал о нем полковник Приходько.

– Из домоуправления мне уже звонили, – сказал Петр Иваныч. – Значит, Сережа Захаров, который в этой комнате жил, ваш родственник?

– Дальний, – сказала я.

До моего разговора с полковником Приходько я вообще ничего не знала о Сереже Захарове, молодом геологе, который на полгода уехал на Чукотку. Полковник хотел избавить меня от гостиницы; чтобы объяснить окружающим неожиданную удачу с жильем в перенаселенном Новосибирске, пришлось сделать геолога моим «родственником».

Врать хорошему человеку всегда неприятно, даже если этого требуют особые обстоятельства. Но я, словно актриса в театре, уже начала свою роль и должна была действовать по пьесе: эту пьесу вел мой режиссер, полковник Приходько. Отныне для всех я только товаровед, как записано в трудовой книжке, приехала устраиваться на работу по специальности, следовательно, в торговую сеть. Весьма желательно было бы попасть в систему новосибирского Горторга. Именно Горторга…

Петр Иваныч не проявил любопытства и избавил меня от дальнейшего вранья. Он просто открыл дверь и сказал:

– Вот ваша комната. Я кое-что приготовил там, хотя и не знал, что у вас есть, а чего нет. Может быть, у вас сорок чемоданов всякого добра? Но на всякий случай я принес вам белье. Вот оно, на кровати. Сверху полотенце. Всё только из прачечной. А обстановка здесь осталась еще от Сережи. Я только тумбочку сюда поставил.

– Спасибо большое.

– Чего там, устраивайтесь.

Он вышел, прихрамывая, закрыл дверь.

Я огляделась.

Кровать, покрытая байковым одеялом. Стопка белья, на подушке наволочка с цветочками. Возле окна небольшой письменный стол, однотумбовый исцарапанный ветеран. Два стула. В углу – платяной шкаф. На тумбочке, на пластмассовой тарелке, графин с водой, налитой, конечно, тем же заботливым Петром Иванычем. На стене отрывной календарь.

Хотя стоял сентябрь, листок утверждал, что сегодня – «5 августа». В этот день, видимо, Сережа Захаров уехал на свою Чукотку… В этот день, только два года назад, мы с Игорем пошли в ЗАГС. Регистрироваться. Регистрировать свою любовь.

Я присела на кровать.

Вот моя комната, где придется начать новую жизнь, как я и хотела.

Начинать все заново…

С некоторых пор я перестала плакать, сама не знаю почему, хотя в детстве и юности была порядочная рева. Видимо, несчастья, которые свалились на меня, были настоящими несчастьями, они действовали оглушающе, мешали ответить привычной реакцией – слезами.

Я не плакала, когда арестовали и увезли мою мать. Спокойно, даже как-то слишком спокойно, отвечала на вопросы следователя. Надо сказать, он быстро отпустил меня и больше уже не вызывал.

Не плакала, когда поняла, что моя жизнь с Игорем не получилась, что наш брак – ошибка, которую нужно исправить как можно скорее.

Когда в больнице сказали, что мой сын родился мертвым, я только закрыла глаза, кажется, на какое-то время потеряла сознание, а придя в себя, целый день пролежала застывшая, безучастная ко всему. Я слыхала, как врач шепнул сестре, чтобы меня не тревожили, что такое бывает и что это пройдет. И на самом деле прошло…

И вот сейчас я сидела на кровати и разглядывала эти чужие вещи в чужой комнате. Вдруг будто что-то горячее растопилось в груди, хлынуло в голову, к лицу, к глазам, я легла на кровать, уткнулась лицом в стопку белья.

Видимо, Петр Иваныч меня услыхал, хотя я и пыталась сдерживаться. Оглушенная плачем, я и не заметила, как он вошел, только почувствовала его руку на своем плече.

– Ничего, – сказал он. – Может быть, даже хорошо, что вы плачете, не нужно только упиваться своими страданиями, и все пойдет на лад.

После слез стало легче. Петр Иваныч по-прежнему стоял возле меня.

– О том, что вы молоды и все радости у вас еще впереди, я уж не говорю, истины эти банальны, хотя и верны. Кстати, вы знаете, что один мудрый иудейский царь приказал вырезать на своем любимом кольце?

Конечно, я помнила утешающее «Все проходит!» царя Соломона.

– Ну, так вы совсем молодец! Кончайте горевать. В ванной сейчас идет горячая вода. Я упоминаю о таком потрясающем факте потому, что ее, этой горячей воды, частенько у нас не бывает. Леший их знает, наших сантехников, но почему-то они часто лишают нас такой радости. Пока есть, воспользуйтесь. А затем я сварю кофе. По-бразильски. Вы в Бразилии были?

– Не пришлось.

– Ну и я тоже не был. Кофе по-бразильски меня уже здесь научили варить. Мои спецкоры из редакции.

– А они сами-то в Бразилии были?

– Нет, конечно. Рецепт откуда-то из Якутии, кажется, привезли. Но кофе, знаете, все равно хороший получается. Только процедура длинная.

– Я, пожалуй, пока на вокзал съезжу. Вещи у меня там.

– Вам помочь?

– Спасибо. Там вещей-то – один чемодан.

– Тогда отправляйтесь. До вокзала близко – одна остановка на трамвае.

Когда я вернулась с вокзала, уже на лестничной площадке меня встретил крепкий запах кофе. Кофе на самом деле был хорош, с пухлой шапкой коричневой пены. Мы пили его на кухне.

Потом я разобрала свой чемодан, повесила в шкаф, что надо было повесить, погладила, что нужно было погладить. А там наступил вечер, мы пили чай с сыром и сухарями, которые я купила в «нашем» гастрономе – он был виден из окна кухни.

А потом в своей комнате я оторвала все листки календаря до завтрашнего дня и выбросила их в мусорное ведро…

Во сне увидела свою мать, какой она была на последнем свидании.

В черном стеганом бушлате, с желтой нашивкой на груди, где чернильным карандашом написана ее фамилия.

Она осунулась, потемнела. Только глаза у нее остались прежние, красивые, серые, чистые глаза, которые так не вязались с этим стеганым бушлатом. Она показалась мне чужой, далекой от меня. Видимо, и я ей тоже. Мы сидели рядом, но между нами была стена – «восемь лет заключения в колонии строгого режима…», и существовали мы с ней в разных мирах. Я не знала, что ей сказать, и она тоже ничего не спрашивала у меня, сидела потухшая, неподвижная, только редкие слезинки скатывались по ее щекам. Когда в комнату заглянул конвойный, она так же молча встала и ушла. Я стояла возле дверей и смотрела ей вслед. Она шла впереди конвойного, заложив за спину руки, как никогда не ходят женщины «на воле». И теперь, как только я думаю о матери, я прежде всего вспоминаю эти заложенные за спину руки…

5

Утром я направилась в Управление Торга.

Мне надо было устраиваться на работу. Здесь полковник Приходько помочь уже не мог, чтобы не привлекать излишнего внимания к моей особе. Поэтому ни он, ни я не знали, где мне придется работать.

Адрес Управления у меня был.

Я села на «тройку» и, плохо разобравшись в объявлениях кондуктора трамвая, проехала две остановки лишних.

Возвращалась уже пешком.

Возле подъезда Управления стоял «Москвич» цвета «кофе с молоком». Стоял прямо против дверей, мешая входящим и выходящим. Мне сразу не понравился этот «Москвич», машина была, понятно, не виновата, но водитель ее наверняка был хам.

Я обошла машину с левой стороны. Белобрысый парень за рулем откровенно скучал, позевывал и постукивал пальцами по рулевому колесу. Поглядел на меня липко и нагло – этакий бычок, избалованный своей дешевой неотразимостью. Пожалуй, нечего было возле него задерживаться, но я все же задержалась.

– Отъехал бы в сторонку, товарищ!

Очень не хотелось тратить на него слово «товарищ», но я старалась сохранить миролюбивый тон. Водитель тут же высунулся из машины с улыбочкой.

– А чего?

Нет, бесполезно было здесь проводить воспитательную работу. Я молча повернулась и вошла в двери.

Небольшой вестибюль, затем коридор, двери налево и направо. Стучала пишущая машинка. В углу вестибюля стояла Доска почета с фотографиями.

Я подошла поближе, чтобы взглянуть на сотрудников Торга, работа которых, судя по надписи на доске, заслуживала подражания. И без труда отыскала в самом верхнем ряду фотографию Аллаховой.

Полковник Приходько был прав: заведующая Главным складом Торга Светлана Павловна Аллахова обладала располагающей внешностью. Я знала, что ей уже за сорок, но на фотографии она выглядела моложе. У нее был правильный овал лица, четкие губы и большие, чуть навыкате, глаза.

У полковника Приходько были серьезные подозрения против Аллаховой. Через Главный склад Торга распределялись товары во многие магазины города. «Работать» одна Аллахова не могла, ей нужны были сообщники… Чтобы не навязывать мне своего мнения, полковник Приходько сообщил только проверенные факты. Аллахова, сказал он, привлекательна, живет с молодым мужем, третьим или четвертым по счету – здесь у полковника не было точных сведений.

Я пригляделась к фотографии.

Я тоже старалась быть объективной – и подумала, что если фотограф не очень польстил Аллаховой, то многие мужчины знакомством с такой женщиной могли бы гордиться.

Фотографий ее заместительницы Тиуновой и кладовщика Бессоновой я на Доске почета найти не могла. Не нашла также и снабженца Колесова, и только потом сообразила, что начальник отдела снабжения Колесов работает совсем в другой организации, и если его фотография висит на Доске почета, то где-то уже в ином месте. О Колесове полковник Приходько сообщил немного: замечена его тесная связь с Главным складом Торга, но деловые это интересы или какие другие – неизвестно. Сам Колесов – веселый мужчина, душа общества и женщин, соот-

ветственно. Не дурак выпить, причем предпочитает хороший коньяк. О коньяке полковник Приходько добавил просто так, между прочим…

Трудоустройством старших торговых работников, а товароведы относились к их числу, заведовал заместитель директора Торга Королев А. И. Эту фамилию я прочитала на стеклянной дощечке, прибитой к дверям кабинета. Конечно, перед дверями имелась приемная с секретарем-машинисткой, была и очередь посетителей.

Возле самых дверей сидели две девчушки, вероятно, выпускницы торгового техникума. Обе рыженькие, обе в сапожках и модных вязаных кофточках, приобретенных, надо полагать, «по блату» или на «барахолке».

Через два стула от них дожидалась очереди пожилая женщина в мятом болоньевом плаще.

Я не люблю очередей, терпеть не могу вопрос «Кто последний?». Молча уселась на свободный стул, рядом с женщиной в мятом плаще.

Она коротко взглянула на меня и отвернулась. Потом посмотрела еще раз, уже более внимательно. У нее были грубоватые черты лица, не лишенные, однако, как говорят, некоторой привлекательности.

– На работу поступать? – спросила она.

Я кивнула.

– Кем?

Я сказала.

– Документы с собой? Ну-ка, покажи.

Голос у нее был глуховатый, решительный, разговаривая, она глядела прямо в глаза. Это мне понравилось, и я простила ей грубоватое «ты», не показавшееся мне ни пренебрежительным, ни обидным.

Я вынула из сумочки трудовую книжку. Моя соседка прочитала единственную запись.

– Пойдешь ко мне работать? Склад № 8. Галантерея, иногда немного мебели, готовое платье. Словом – пересортица разная. Заранее скажу, складик скромный. А ты, может, с ЦУМа хочешь начать?

– Нет, зачем же, – улыбнулась я.

– Складик хотя и маленький, но без товароведа трудно. Был у меня мальчик из профучилища, да слабоват оказался. Драп от сукна отличить не мог. Влетела я с ним в историю, на полторы тысячи. Кое-как уладили. Мало что платить, позору еще сколько, что там ни говори – растрата. Вот, последний оправдательный акт на подпись принесла. А своего товароведа на склад игрушек отправила. Куклы, лошадки, автоматы – там не спутается. Так одна и тяну. Ты пока к Королеву не ходи, меня подожди, вместе пойдем на мой склад. Сама посмотришь. Понравится – я тебя оформлю.

– А где ваш склад?

– Ты же нездешняя, чего тебе говорить, все равно город не знаешь. В Дзержинском районе, словом.

Главный склад Торга тоже находился в Дзержинском районе. Пожалуй, лучшего мне пока нечего было и искать. Я согласилась. Моя собеседница предусмотрительно сунула мою книжку в свой портфельчик.

– Чтобы не убежала, – пошутила она.

Секретарша за столом подняла голову от бумаг и уставилась на кого-то. Я повернулась тоже. И увидела Аллахову.

Кто-то окликнул заведующую Главным складом Торга из коридора, и она остановилась в дверях.

Правда, фотограф убрал морщинки и возле глаз, и возле губ, но полковник Приходько был прав – выглядела Аллахова весьма привлекательно. И одета была со вкусом. Фигура у нее тоже была хорошая.

Она кивнула кому-то в коридоре, подошла к секретарше.

– Люся, Аркадий Игнатьевич у себя?

Голос у нее был бархатный и небрежный. На нас, сидящих в ожидании приема, она даже не взглянула, прямо пошла к дверям кабинета. В это время навстречу ей из кабинета боком выбрался тучный мужчина, черноволосый и толстогубый. Он масляно улыбнулся Аллаховой.

– Светлана Павловна, рад видеть!

Он остановился, видимо ожидая, что Аллахова подаст ему руку, но она только кивнула:

– Здравствуйте, здравствуйте, Илья Ашотович.

Она прошла мимо, этакая уверенная в себе королева, и так же уверенно, не постучав, не задержавшись ни секунды на пороге, открыла дверь кабинета и вошла. Толстый Илья Ашотович только посмотрел ей вслед и вернулся к столу секретарши.

Такой торжественный проход Аллаховой, естественно, не мог остаться незаметным. Девушки возле дверей оживленно зашушукались меж собой. Я вопросительно взглянула на свою соседку. Я еще ничего не спросила, моя соседка поняла меня и так:

– Аллахова, заведующая Главным складом.

– А я думала – замминистра.

– Для Королева она больше, чем замминистра.

Я наивно удивилась:

– Почему так?

– Почему, почему… Поработаешь у нас – сама поймешь.

Илья Ашотович, оставив секретарше свои бумаги, вышел из приемной, поздоровавшись на ходу с моей соседкой.

– Бабаянц, – пояснила она. – Главный ревизор. Тоже фигура, сама понимаешь.

Я понимала. Как ни мал был мой опыт в торговых делах, я уже знала, что самый добросовестный работник не гарантирован от случайных излишков или недостач и что любая ревизия неизбежно тревожит даже порядочного работника – о непорядочных я уж и не говорю. Многое здесь зависит от ревизора… Вот только для Аллаховой главный ревизор Бабаянц фигурой не был, кажется.

В приемную проскользнул и просеменил к столу секретарши щупленький человечек с папочкой под мышкой.

– Люсенька! У Аркадия Игнатьевича кто есть?

– Аллахова у него.

– Ах, Светлана Павловна… так, так.

Он нерешительно повертел в руках папочку, затоптался возле стола. Секретарша продолжала заниматься своими бумагами.

– И давно она там?

– Только что вошла.

– Так, так…

Человечек вопросительно посмотрел на секретаршу, но та была опытным работником и успела усвоить, что не ее дело советовать что-либо.

– Пожалуй, я попозже загляну.

– Что ж, приходите попозже.

Он так же быстренько выскользнул из приемной. В это время Аллахова вышла из кабинета. До дверей ее провожал сам Королев – коренастый мужчина с усиками, в сером дакроновом костюме с каким-то значком на лацкане пиджака. Он поклонился ей в дверях четко и официально: «Всего доброго, Светлана Павловна!»

На этот раз Аллахова заметила мою соседку, кивнула ей, окинула меня взглядом и ушла.

Замдиректора Королев выглянул в приемную. Девчушки вскочили разом.

– Ко мне? Проходите, пожалуйста.

Он пропустил их в кабинет, закрыл дверь.

– Вежливый, – сказала я.

– Вежливый, – согласилась моя соседка. – Алименты платит.

6

Мою заведующую складом Маргариту Петровну Сосновцеву все ее сослуживцы звали просто Рита Петровна. Я стала звать ее так же.

Складик был маленький, и обороты его были невелики, поэтому я как товаровед одновременно числилась и заместителем заведующего. Если бы запись в трудовой книжке соответствовала действительности, то новая работа не доставила бы мне особых хлопот. Но мне не хватало практики. Чтобы не повторить ошибки своего предшественника, не спутать сукно с драпом, мало эту разницу знать по учебнику, нужно еще и драп, и сукно пощупать руками: никакая теория здесь не может заменить отсутствие опыта.

– Товароведу, как саперу, – говорила Рита Петровна, – ошибаться тоже нельзя. Живой, правда, останешься, но статью схватишь, как пить дать.

И я старалась не ошибаться.

«Конторой склада» у нас называлась небольшая клетушка, отгороженная фанерными щитами. В ней стояли три небольших столика, Риты Петровны, мой и бухгалтера – пожилой молчаливой женщины, весь рабочий день дымившей «Шипкой».

Грузчиками на складе работали две женщины. Одна – местная жительница, вторая – приехала из села где-то за Новокузнецком, «Маша из Чугунаша», как ее звали, была девица лет тридцати, мощного сложения, под девяносто килограммов веса. Как рассказывала Рита Петровна, отец Маши был алкоголик и умер в психиатрической больнице. Дочь рассчитывалась за непутевую жизнь родителя умственной отсталостью.

Когда у Маши появлялись вопросы, а появлялись они по всякому поводу, она вваливалась в нашу «контору», и от ее мощных и размашистых движений стены нашей клетушки ходили ходуном.

Голос у Маши был звонкий, по-детски пронзительный.

– Рита Петровна! – вопила она. – Рита Петровна!..

– Ну, что у тебя там?

– Машина пришла.

– Дальше что?

– Привезли, эти самые… сервизи которые…

– Какие сервизы? Мы не получаем сервизы.

– Привезли. Вот такие!.. – и Маша широко разводила руки. – Деревянные, с дверками…

– Серванты? – догадываюсь я.

– Вот, вот, серванты, эти самые…

– Фу, что б тебе! – ворчала Рита Петровна. – Ты сколько у меня времени работаешь?

– Два года уже, Рита Петровна!

– Два года! Два года имеешь дело с материальными ценностями, сколько их туда-сюда перетаскала, а все серванты с сервизами путаешь. Сервизы – это фарфор, посуда. Чашки такие белые, понимаешь?

– Понимаю, Рита Петровна! – радостно вопила Маша.

Она вываливалась за дверь, тут же возвращалась, и фанерные стены нашей «конторы» опять содрогались, а со стола вихрем сдувало все накладные.

– Рита Петровна!.. А куда эти самые… сервизи ставить?..

Подобные разговоры происходили почти ежедневно, однако Рита Петровна в Маше, что называется, души не чаяла и всячески опекала ее. Маша была здоровая и работящая. На складе не было такой вещи, такого ящика, который она не смогла бы передвинуть, поднять, перенести куда следовало. «Грешно говорить, – признавалась Рита Петровна, – не было бы мне счастья, если бы не ее несчастье, где бы я еще такого работника нашла. Да еще непьющая – цены ей нет».

И когда под руками Маши, от излишнего усердия, что-либо рвалось или ломалось, то Рита Петровна без лишних упреков возмещала убытки из собственного кармана.

Борису Борисовичу я сообщила по телефону о своем трудоустройстве. Он спросил, не нужно ли мне чего, есть ли у меня деньги, и пожелал счастливой работы.

С Петром Иванычем мы ужились сразу, будто знали друг друга десяток лет. Кухню я взяла на себя, оставив ему только «кофе по-бразильски». Мы не делали «из еды культа», и здесь все шло отлично. В редакцию Петр Иваныч ходил не каждый день. По вечерам мы играли в шахматы или смотрели по телевизору подходящую картину. Тем для вечерних разговоров у нас, конечно, хватало.

Постепенно осваивалась и на работе.

Склад наш был старенький, неухоженный. Посреди двора грузовики, разворачиваясь при выезде, выбили здоровую яму, после дождей она сразу заполнялась грязью до краев, и колеса машин развозили ее по всему двору. Старые работники склада уже ко всему привыкли, но мне эта грязь, лезущая через порог, была противна донельзя. Рядом со складом, через улицу, строился фундамент для будущей «девятиэтажки», десятки самосвалов возили туда гравий и цемент. Я направилась к прорабу и попросила завезти нам во двор одну машину гравия. Соседи все-таки!

Прораб, охрипший от усердного руководства, оскорбленно удивился. «Вы что, девушка? У меня не частная контора, а государственная стройка, какую еще там машину…»

Я пожаловалась Рите Петровне. Она взглянула через окно на злополучную яму.

– Грязно, говоришь? А прораб гравию пожалел…

Она посмотрела на меня иронически и покинула контору. Я занялась накладными, а через несколько минут во двор к нам заехал самосвал и вывалил в яму целую кучу гравия. Рита Петровна протянула водителю зеленую бумажку, тот взял ее, белозубо улыбнулся и уехал.

Так простая «трешка» решила мою проблему. Но я не хотела признать себя побежденной и завела «морально-педагогический» разговор. Рита Петровна выслушала меня с удивлением.

– Слушай, – сказала она. – А ты на самом деле товароведом работала?

С запозданием я вспомнила опасения полковника Приходько.

– Не знаю, уж как ты там управлялась, – продолжала Рита Петровна, – а я считаю, в нашем деле без этих «трешек» обойтись нельзя. Сколько я их шоферам да грузчикам передала – и не сосчитаешь. Дом построить можно! На базе хочешь, чтобы тебя побыстрее погрузили, – грузчикам на бутылку. Чтобы шофер тебя первым рейсом отвез – подай и ему бумажку. И все уже привыкли, без «трешки никуда».

Я знала, что у Риты Петровны муж – инвалид, дочь – студентка, а зарплата – девяносто два рубля. Но я не стала спрашивать, какой ценой она выкраивает эти «трешки»…

Пошла вторая неделя моей работы.

Полковник Приходько меня не беспокоил, я сама начала беспокоиться. Я ни на миллиметр не подвинулась к Главному складу Торга.

Наш склад не имел к Главному складу никакого отношения. Здесь мог бы помочь случай: перепутанные накладные или завезенные не по адресу товары. Но случай не шел мне на помощь.

Как бы случайно я заводила с Ритой Петровной разговоры о том о сем… Но недооценила ее наблюдательности.

– Слушай, Грошева, – сказала она, – что-то ты уж очень Аллаховой интересуешься, по-моему.

У полковника Приходько были основания настаивать на строгой моей конспирации. Честно говоря, я не очень разделяла его взгляд на это, но основной параграф воинской дисциплины – точное выполнение приказа – помнила хорошо.

– А чего ж, – выкручивалась я, – интересуюсь, конечно. Заметная она женщина. Эффектная. У Торга в почете, значит, работать она умеет.

– Работать она умеет…

– Сама красивая. И муж молодой.

– Уже и про мужа знаешь?

– Да рассказывали тут.

– Поди, молодому мужу позавидовала?

– А что, нельзя?

– Дура ты, Грошева. Чему там завидовать. Если бабе за сорок, а ее мужу и тридцати нет, так и не мужчина он, а так, пустое место.

Я не нашлась, что сказать. Рита Петровна взяла со стола накладные.

– Этот молодой муж у Аллаховой вроде ширмы, – заключила она.

– А за ширмой кто?

– За ширмой?.. Да хотя бы тот же Королев… Слушай-ка, ты бы лучше еще раз накладные проверила, чем чужими мужьями интересоваться. Своего лучше заведи…

Я сказала Рите Петровне, что собираюсь продолжить свое торговое образование и хочу подготовиться для поступления в институт. Она перестала задерживать меня после работы. В половине пятого я покидала склад, садилась на трамвай и ехала к Главному складу Торга.

Наискосок от него, через улицу, находилось небольшое кафе-закусочная, всего на несколько столиков. Из углового окна кафе хорошо просматривались двери Главного склада.

Никакого определенного плана у меня, конечно, не было. Просто я решила приблизиться, насколько возможно, к интересующему меня объекту и дожидаться случая.

Я зашла в кафе.

Буфетчица за стойкой – полная, моложавая, с брезгливо-холодным лицом, в кружевном фартучке, который не скрывал роскошного бело-голубого джемпера с начесом, – лениво взглянула на меня.

Я подумала, что, вероятнее всего, джемпер приобретен из-под прилавка, – дальше мои размышления не пошли. Зеленый я еще была инспектор – ведь ниточка могла тянуться на Главный склад.

А вот беляши здесь были хорошие.

Каждый вечер после работы я посещала это кафе – брала пару беляшей или сосиски, пристраивалась на столике возле углового окна и совмещала приятное с полезным.

Первые три дня не принесли мне ничего интересного. На четвертый день я увидела, как из дверей склада вышла Аллахова. Она была не одна. Рядом с ней шла молодая женщина, черненькая, тоненькая, почти девочка.

По словесному портрету я узнала в ней кладовщицу Главного склада Валентину Бессонову.

Они прошли мимо кафе по другой стороне улицы. Аллахова, не глядя на Бессонову, что-то выговаривала ей, та слушала молча, понурившись. Я знала, что Бессонова всего два года назад закончила торговый техникум. Могла бы работать товароведом, но задержалась у Аллаховой в должности кладовщика.

Немного подождав, я выбралась из кафе, пошла следом и лишь успела заметить, что они сели в трамвай.

Назавтра, когда я только подходила к кафе, меня обогнал знакомый «Москвич» цвета кофе с молоком. И водитель в нем был тот самый, я узнала его по почерку: он остановился прямо против дверей склада. Из машины выбрался Королев. Поддувал северный ветерок, и на Королеве было черное демисезонное пальто. Он прошел на склад, а я на свое место к угловому столику в кафе.

Водитель остался в машине читать «Огонек».

Тут из дверей склада выскочила Бессонова с хозяйственной сумкой. Она обогнула «Москвич», кивнула водителю и, не задерживаясь, побежала в кафе.

Я нагнулась над своими сосисками.

Бессонова взяла у буфетчицы две бутылки марочного «Вермута», коробку конфет. Никаких денежных расчетов я не заметила. Бессонова сложила все в сумку, вышла из кафе и быстро перебежала улицу.

Водитель было высунулся из машины, но она только махнула ему рукой.

Сосиски свои я закончила, взяла еще стакан кофе. Потом еще один, и уже устала стоять за своим столиком, пока, наконец, все действующие лица не появились на сцене – на крыльце Главного склада.

Первой вышла бронзово-рыжая женщина с четко подведенными глазами. Конечно, это была Тиунова, заместительница Аллаховой. За ней появилась сама Аллахова и Королев, последней была Бессонова. Шляпа на Королеве была та же, но вот пальто оказалось уже другое – темно-серое, «драп-маренго», видимо, дорогое. Свертка в его руках я не заметила, значит, свое старое пальто он просто оставил на складе.

Две бутылки «Вермута» не так уж мало на четверых. Тиунова вышла, смеясь чему-то, на крыльце оступилась и упала бы, не поддержи ее Королев под руку, это послужило поводом для новой вспышки общего веселья. Только Бессонова хмуро держалась в стороне, хотя лицо ее покраснело: видимо, она тоже выпила со всеми.

Компания погрузилась в машину и уехала.

Я пошла домой пешком.

Хотя я увидела не бог весть сколько, но считала, что мне есть над чем задуматься.

То, что Королев – непосредственный начальник Аллаховой – распивает с ней вино, а потом выходит со склада в новом пальто, – это может означать многое.

А может и не значить ничего.

Товарному складу категорически запрещается продавать непосредственно что-либо и кому бы то ни было. Нарушение этого правила – первый признак, что на складе не все в порядке. Но Королев сам начальник – и может считать, что просто нарушил формальное правило.

В то же время преступления обычно следуют за такими нарушениями…

Дома Петр Иваныч и я напились чаю со свежими сушками. Как нарочно, по телевизору шла очередная серия «Следствие ведут знатоки». Мы просмотрели ее. Петр Иваныч заявил, что картина упрощенно изображает жизнь и может создать у меня ложное представление о работе инспектора.

Я с ним согласилась.

Мне не нравилось, как Петр Иваныч весь вечер морщился, сосал валидол и поводил взад и вперед левым плечом.

– Ничего, – заявил он. – Бывает это у меня. Пройдет.

Однако не прошло. Ночью я вдруг проснулась от тревожного шороха за дверью и, как была, в пижаме, выскочила в коридор. Петр Иваныч медленно оседал на пол возле телефонного столика.

Я подхватила Петра Иваныча, но удержать не смогла и опустилась на колени, поддерживая его за плечи. Телефонная трубка была зажата в руке, он успел набрать «03», и дежурная кричала: «Алло! Скорая слушает, говорите!»

Я взяла трубку и сообщила все, что следовало.

Петр Иваныч пришел в себя. Я хотела принести подушку, устроить его пока на полу, до приезда «скорой», но он упрямо устремился в свою комнату. Я помогла ему добраться до постели.

– Напугал вас? Да вы не беспокойтесь, мне уже лучше…

«Скорая» приехала очень быстро. Врач – молодая милая женщина – сделала Петру Иванычу укол, оставила мне рецепт и посоветовала побыть возле больного часок-другой, пока он не уснет. Я вернулась к Петру Иванычу. Он усиленно отправлял меня спать, но я забралась с ногами в кресло, затемнила платком настольную лампу, взяла со стола «Смену», которую Петр Иваныч покупал ради шахматных задачек.

Мой больной послушно закрыл глаза. Я тоже поудобнее устроилась в кресле… и уснула, вероятно, раньше него.

Когда проснулась, было уже светло. Настольная лампа горела, журнал лежал на полу, но Петр Иваныч не спал, а лежал и смотрел на меня.

Я смутилась.

– Это называется – сиделка. Вы бы разбудили меня, что ли.

– Зачем было вас будить?

– Я, поди, еще и храпела.

– Не слыхал. А вы разве храпите?

– Кто знает, может быть, уже и храплю.

– Нет, вы просто сопели носом.

– Вот видите. Надо было бы разбудить. Как вы себя чувствуете?

– Превосходно… А знаете, в этом кресле когда-то спала моя дочь. Когда была такой же маленькой.

– А где она сейчас?

– Она вышла замуж… А вы хорошо спите, у вас лицо делается как у ребенка. Вот только перед тем как проснуться, вы начали хмуриться, и лицо у вас стало несчастным. Я хотел вас разбудить, но тут вы проснулись сами. Приснилось что-нибудь?

Я достала туфли из-под кресла.

– Не помню. Мне никогда ничего путного не снится… Петр Иваныч, я вам завтрак сюда принесу.

– Ни в коем случае. Я встану.

– Вам нельзя вставать.

– Это кто сказал?

– Врач. Она сказала: покой.

– Для мыслящего существа покой – это еще не значит отсутствие всякого движения. Сейчас я покоен, как никогда. Но вот что, я вас попрошу – на кухне в шкафу бутылка стоит. С коньяком.

– Видела бутылку, по-моему, она пустая.

– Немножко еще есть. Это мое лекарство.

– Коньяк?

– Конечно, сосудорасширяющее. Налейте мне остатки.

Коньяку набралось с рюмку. Петр Иваныч выпил половину, остальное оставил на вечер.

Днем я позвонила ему со склада. Он сказал, что чувствует себя превосходно и так далее, в таком же тоне.

Я решила купить ему после работы бутылку «лекарства».

Трудное знакомство

1

На складе я задержалась случайно.

Нам нужно было получить товар на центральной базе. Рита Петровна полдня «выбивала» машину, и я смогла выехать только во втором часу. Машину вел водитель Топорков – я уже знала его, он чаще других бывал на нашем складе. Ничего плохого о нем сказать было нельзя, ездил он хорошо, машину знал, сам выглядел чистенько, в разговоре подпускал словечки вроде «турне, плебеи, донкихотство»… Вот только к женщинам относился потребительски: легкие удачи вселили в него уверенность в собственной неотразимости. Но об этом я догадалась, когда мы уже возвращались с загородной базы. Дорога была пустынная, и вот тут мы с Топорковым крупно поговорили. Приехали на склад оба с испорченным настроением. Когда разгружали машину, он сидел в кабине и мрачно поплевывал за окно.

Освободилась я уже после шести и без особой надежды на какие-либо новости прибыла к «своему» кафе. Рабочий день на Главном складе, видимо, закончился, значит, остался один сторож, который, конечно, уже пристроился вздремнуть до вечера, а там, глядишь, уляжется спать по-настоящему – все сторожа, каких я только знала, вели себя одинаково.

Ни беляшей, ни сосисок у буфетчицы не оказалось, но есть хотелось, я взяла сомнительную котлетку. Едва я управилась с нею, как увидела Аллахову.

Я не заметила, когда она вышла со склада, я увидела ее уже под окнами кафе.

Никакого плана у меня не было и на этот раз. Я просто пошла следом за Аллаховой. Она несла сверток, хорошо упакованный в бумагу. Сверток был объемистый, но не тяжелый.

«Двойка», идущая в центр, приближалась к остановке. Аллахова заторопилась, но сверток мешал ей, а народу на остановке скопилось порядочно, и трамвай ушел без нее.

И вот тут мне повезло. Из переулка на проспект, прямо на меня выбиралось такси.

Аллахова все еще стояла на остановке. Зеленый огонек за ветровым стеклом машины с шашечками прибавил мне сообразительности, я кинулась навстречу, замахала руками. Водитель затормозил, встревоженно приоткрыл дверку, видимо, подумав, что у меня бог знает что случилось.

– В центр, – сказала я.

– Пожалуйста.

Я села рядом, водитель круто развернул. Проезжая трамвайную остановку, он, как положено, сбавил ход.

– Остановитесь здесь! – попросила я.

Он машинально притормозил, хотя здесь остановки запрещены. Я быстро выскочила из машины и окликнула Аллахову.

– Вы меня? – не поняла она.

– Садитесь скорее, я вас подвезу.

Аллахова обежала машину, я открыла ей заднюю дверку, водитель тронул, как только она успела сесть – сзади на нас уже надвигалась зеленая туша автобуса.

Я повернулась к Аллаховой.

Вблизи ее лицо уже не показалось мне симпатичным. Вероятно, из-за глаз, они были холодные и прозрачные. Слишком прозрачные, чтобы в них можно было что-либо прочитать.

Она смотрела на меня вопросительно.

Видимо, наша мимолетная встреча в Управлении ей не запомнилась.

– Видела вас в Торге, – пояснила я.

Аллахова промолчала.

– Я работаю у Риты Петровны.

– Ах, вот что! Тогда я вас тоже знаю. Слыхала, как же. Товаровед, и с высшим образованием, кажется.

– Какое там высшее. Недоучка, познаю все на практике.

– Говорили, что Рита Петровна вами довольна. А ей угодить, как я знаю, трудно.

– Стараюсь. Служу трудовому народу.

– Что вы делали в наших краях? – спросила Аллахова.

Я замешкалась. Нужно было вот сейчас найти точный ответ, который помог бы продолжению знакомства… нельзя было долго размышлять…

– Я искала в ваших магазинах коньяк. Хороший марочный коньяк. Мне сказали, что он бывает в гастрономе на проспекте Дзержинского.

– Зачем вам понадобился именно марочный коньяк?

– Подарок.

– Мужу?

– Нет. Просто хорошему мужчине.

– И вы его нашли?

– Кого, коньяк?

– Нет, хорошего мужчину.

– Вот хорошего мужчину найти оказалось легче.

Аллахова улыбнулась поощрительно.

– А ваш мужчина, он на самом деле хороший?

– Да, очень. Он – пенсионер.

– Ах, вон что! Ну, такой еще может быть.

– Других у меня нет пока. Я же приезжая. Никого не знаю, никуда не хожу.

– Знаете, пожалуй, я вам помогу.

– Чем, мужчиной?

Аллахова рассмеялась.

– Нет, пока только коньяком. Мой знакомый – любитель хороших вин, он всегда их где-то достает…

Она замолчала, раздумывая. Я даже затаила дыхание… Аллахова смотрела на меня вопросительно, испытующе. Но, в конце концов, она ничем не рисковала.

– Вам сколько коньяку?

– Ну, не ящик же. Одну бутылку.

– Господи, всего-то. Я поговорю с ним и позвоню вам на склад.

– Мне неудобно вас затруднять.

– Пустое. Буду рада вам помочь. Может быть, нам повезет, и я найду для вас не только коньяк.

Шутку Аллахова понимала, и в сообразительности ей тоже нельзя было отказать. Будь она менее сообразительна, задача полковника Приходько была бы гораздо легче.

– Он дорогой, кажется, марочный коньяк? – спросила Аллахова.

Плохо верилось, что она не знает, сколько стоит марочный коньяк. Тогда зачем такой вопрос?.. Уже проверяет, как я отношусь к деньгам и сколько их у меня… Неплохо, совсем неплохо. Попробую пойти ей навстречу.

– Не очень, – возразила я. – Двадцать пять рублей бутылка.

– Ого, порядочно.

– Ничего. На заработки не обижаемся.

Аллахова промолчала.

Я не смотрела на нее и не знала, как она отнеслась к такому звонкому заявлению. Только водитель покосился на меня, как мне показалось, неодобрительно. Но водитель-то был, вероятно, порядочным человеком.

Я вышла у Дома офицеров.

– Позвоню вам, – сказала Аллахова. – Рите Петровне не говорите про коньяк, а то она про меня бог знает что подумает.

И она кивнула мне на прощанье, ласково и покровительственно.

2

Говорят, есть такой закон – «парных случаев». Есть и пословица: «Пришла беда – отворяй ворота!» За одним несчастьем следует второе. Но и удача, в таком случае, тоже не должна приходить одна…

Рядом с Домом офицеров был магазин «Военная книга». Мне захотелось принести своему домашнему больному что-нибудь для чтения. Я купила мемуары военного летчика.

Летчик на фотографии в книге напомнил мне вагонного милого мальчика Лешу. А когда я вышла из магазина – бывает же так! – увидела его самого. Одетый в новенький китель, он блестел на весь проспект своими пуговицами, и не заметить его было просто невозможно. Поэтому я не сразу обратила внимание на его спутницу.

Рядом с Лешей шла Бессонова. Кладовщица Главного склада Торга.

Леша был на голову выше нее, она держалась за его рукав, запрокинув к нему лицо. А он сверху говорил ей что-то нежное. И не нужно было здесь особой сообразительности, чтобы понять, что это идут если не молодые муж и жена, то жених и невеста.

Я повернула к витрине магазина, чтобы не навязывать Леше нашу встречу: кто знает, как отнеслась бы его спутница к подозрительному вагонному знакомству, и предоставила Леше возможность меня не заметить.

Но Леша заметил.

В стекле витрины отразилось сияние его пуговиц.

Последовали обычные вопросы: «Как живете, что делаете?» Потом Леша познакомил меня со своей спутницей.

Бессонова протянула руку доверчиво, без ревнивой подозрительности, чем сразу же понравилась мне. И ладошка у нее была мягкая и маленькая, как у ребенка. Леша не сказал: «Это моя жена!» – видимо, она еще не была его женой, он сказал просто: «А вот моя Валюша!» Имя подходило ей как нельзя более, зато сама Валюша показалась мне самым неподходящим кладовщиком для склада, которым заведовала такая женщина, как Аллахова.

Я сказала, что случайно познакомилась с ее заведующей. Валюша отнеслась к моему сообщению без всякой радости.

Тут Леша решительно вступил в разговор:

– Вот что, мои торговые работники, не будем загораживать проезжую часть, свернем налево. Вон туда, в ресторан. Женя, пойдемте с нами. Выпьем за мой отъезд.

– Уезжаете?

– Улетаю. В командировку.

– На Север, – пояснила Валюша. – На два месяца.

– Валюша, всего на полтора.

– Бросает меня одну.

– Не бросаю – покидаю вынужденно.

Валюша потерлась щекой о его рукав с нашитым пропеллером.

– Пойдемте с нами, – попросила она. – Веселее будет. А то я там еще и реветь начну.

Мне очень не хотелось идти в ресторан. Мне хотелось домой. Выпить с Петром Иванычем кофе по-бразильски. Поиграть в шахматы. Посмотреть телевизор. Мне очень не хотелось сейчас смотреть на Валюшу Бессонову…

Но тень Аллаховой падала и на эту девочку.

– Ладно, – сказала я. – Только мне нужно позвонить домой.

Мы вошли в ресторан. Мои спутники направились в зал, а я, извинившись, – к телефону-автомату. Телефон был занят. Вероятно, Петр Иваныч вел консультацию из дома с одним из своих подопечных авторов. Пришлось подождать. Наконец, он мне ответил.

– Порядочному больному в постели лежать нужно, – ворчала я, – а не сидеть по часу у телефона.

– А я непорядочный.

– Это я и сама вижу. Как вы там?

– Превосходно.

– Конечно. Я вам книжку купила.

– Очень хорошо. А принести не можете? Откуда звоните?

– Из ресторана. Знакомых встретила.

– Хорошие хоть знакомые-то?

– Хорошие. Вместе в вагоне ехали.

– Ну, тогда – конечно. Поди, пить будете?

– А как же?

– Тогда последнюю рюмку за мое здоровье…

– Обязательно.

– …вылейте!

– Как вылить, куда?

– На пол вылейте, бестолковая вы девчонка!

– Ах, вон что. Не знаю, на пол-то… оштрафуют еще. Не бойтесь, не сопьюсь.

Леша уже заказал бутылку сухого вина, графинчик коньяку и фрукты. Валюше он сразу налил вина, а на меня взглянул нерешительно.

– Что будете пить, Женя?

– То же, что и вы, – заявила я.

Тут я опять вспомнила о своей неподходящей внешности. И если мне незачем было играть перед Лешей, то здесь сидела еще Бессонова…

– Налейте мне коньяку.

Вообще-то, я не любила крепких вин, но в институте, на всяких там междусобойчиках, приходилось пить всякое. Считалось правилом хорошего тона пить водку не морщась. У меня это получалось не хуже, чем у других.

Леша послушно налил мне коньяку. Мы чокнулись, я отважно выпила свою рюмку. Кажется, на Валюшу это произвело впечатление.

– Когда улетаете? – спросила я у Леши.

– Завтра.

Бессонова сразу низко наклонилась над своим бокалом, и слезинки закапали в вино.

– Ну, что ты, Валюша! Ну, не нужно, я же скоро вернусь.

– Скоро?.. Через два месяца.

– Ну и что – два месяца. Они знаешь, как быстро пройдут. А как вернусь, мы поедем с тобой на юг.

Бессонова подняла голову и вытерла глаза.

– Насовсем?

– В отпуск. На месяц.

– Совсем бы отсюда уехать.

– Совсем меня не отпустят. А чем у нас здесь плохо? Вот зимой поедем в наш санаторий.

– Холодно здесь…

– Мы будем с тобой ходить на лыжах.

– Я не умею на лыжах.

– Да я тебя научу. Ты у меня еще так будешь ходить на лыжах…

Милый мальчик Леша… Он так хорошо сказал это: «Ты у меня!»

Невесело было все это мне слушать. Я предполагала, что не будет у них ни лыж, ни санатория… Независимо от того, узнаю я что-либо новое или нет. Зло уже совершилось, и за преступлением последует наказание. Они еще ничего об этом не знают, а я знаю, но уже ничем не смогу им помочь.

У меня появилось ощущение какой-то вины перед ними, перед Бессоновой за то, что мне лично не угрожает такая беда, как ей, потому что у меня воспиталось прочное чувство уважения к государственному добру, а у Валюши этого почему-то не произошло.

Я смотрела на ее глаза, набухшие слезами, и мне казалось, что она уже сама чувствует, ожидает эту страшную беду.

– Допьем! – Леша поднял рюмку.

– За хорошую вам дорогу! – пожелала я ему.

– За хорошую вам работу, – сказала мне Валюша.

Я не знала, чего ей пожелать, чтобы это не было ложью, и только молча кивнула в ответ.

Когда я вернулась домой, Петр Иваныч встретил меня в коридоре, молча покачал головой и пошел на кухню готовить кофе по-бразильски.

3

С нетерпением я ожидала звонка Аллаховой.

Старалась не отлучаться надолго со склада. Беспокоилась, понимая, как много может значить этот звонок: она или принимает меня в свое общество, или нет. Если принимает, следовательно, решила ко мне приглядеться, не смогу ли я ей быть чем-то полезной – «ведь ей необходимы сообщники. Если не позвонит, значит, я ей чем-то „не показалась“, мне придется начинать все сначала, и решение задачи усложнится во много раз».

Я потеряла уже всякую надежду…

Аллахова позвонила на третий день. Рита Петровна отсутствовала. Трубку сняла наш бухгалтер и без лишних слов передала ее мне.

Аллахова не назвала себя по телефону – я узнала ее голос.

Она сказала, что выполнила мой заказ и я могу приехать к ней на склад. Когда? Да хотя бы сегодня вечером…

После работы, перед тем как поехать на Главный склад, я купила черный карандаш для косметики. Мазнула по ресницам, поставила в уголках глаз по черточке. Я никогда не делала этого раньше.

Пригляделась к своему отражению в зеркале и решила, что это как раз то, что мне сегодня нужно.

И вот наконец-то я стояла на пороге учреждения, за которым столько дней наблюдала только издали.

– Спокойнее! – сказала я сама себе. – Спокойнее… Не терять хладнокровия…

Главный склад Торга мало походил на наш грязный неухоженный складишко. В вестибюле – узорный линолеум, ковровая дорожка, пальма в зеленой кадушке. На стене висел роскошный красочный плакат: милая девушка советовала хранить деньги в сберегательной кассе, обещая за это автомобили, холодильники и развесистые пальмы черноморского побережья.

Меня встретила Валюша Бессонова. Она улыбнулась мне как старой знакомой, и у меня опять стало неуютно на душе.

– Улетел?

– Улетел… Пойдемте, там вас уже ждут.

Она пошла вперед.

Кабинет заведующего складом на нашу «контору» тоже никак не походил. Как полагается солидному кабинету, двери были обиты коричневым дерматином, в шашечку. В двери был врезан американский замок. «Закрываются, значит…» – подумала я.

В углу за полированным письменным столом сидела Аллахова. Она приветливо кивнула, протянула руку. С дивана, стоящего у стены, поднялся мужчина, полноватый, лет за сорок, с пухлыми губами и лысинкой. Он поклонился мне.

«Колесов!» – подумала я.

Это на самом деле оказался Колесов.

– Наш Олег Владимирович, – пояснила Аллахова, – бог снабжения комбината и наш благодетель в отношении «что достать». Может достать все. С моим кладовщиком, я знаю, вы уже познакомились. Садитесь, пожалуйста.

Она указала на диван, и я послушно села рядом с Колесовым. Он взглянул на мои колени.

– Как там Рита Петровна? – спросила Аллахова. – Усердствует, как всегда? А ты, Валюша, почему, как бедная родственница, подпираешь косяки? Садись. Да не хмурься ты, горе мое! Приедет твой летчик, точно тебе говорю. Такие, как он, приезжают. Вот за Олега Владимировича я бы не поручилась. Он мог бы и не приехать… Олег Владимирович, да не оправдывайтесь, не стройте из себя праведника, зачем это вам. Если перед Евгенией Сергеевной, то ей праведники, думаю, тоже не очень нужны.

Аллахова вела разговор спокойно и уверенно, в ее поведении не было наигранности.

Я слушала ее и понимала, как нелегко будет здесь что-либо узнать.

– Евгения Сергеевна, – продолжала Аллахова, – я передала Олегу Владимировичу вашу просьбу. Кажется, она не доставила ему особых хлопот.

– Какие пустяки! – подтвердил Колесов.

Он поднял с полу портфель, отличный современный портфель, размером с хороший чемодан, щелкнул бронзовой пряжкой и вытащил бутылку.

– Вот – «Ереван». Как я понял, это и требовалось?

– Спасибо!

– Прошу вас. Одной бутылки вам хватит? пока, разумеется!

– О, вполне.

Колесов достал из портфеля такую же вторую бутылку.

– Тогда эту мы разопьем за знакомство. Светлана Павловна, надеюсь, нам разрешит.

Аллахова погрозила пальцем шутливо.

– В рабочем помещении, Олег Владимирович!

– Рабочий день закончился.

– Все равно, что подумает о нас Евгения Сергеевна!

Колесов повернулся ко мне:

– А что подумает Евгения Сергеевна?

Конечно, все это была немудреная разведка, дешевая игра. Но тем не менее это была разведка.

– Думаю, что это ценное предложение.

– Видите, Светлана Павловна! На молодежь всегда можно рассчитывать. Валюша, милая, добудь-ка нам рюмки.

– Чего их добывать, – отозвалась Бессонова. – Вон они, в тумбочке, там же, где стаканы. Что, не знаете?

Бессонова явно выходила из игры.

– Валюша! – вступила Аллахова. – Откуда Олегу Владимировичу знать, где у нас рюмки? Достань, пожалуйста.

Колесов подтащил к дивану низенький журнальный столик, который стоял у стены, снял с него какие-то бумаги и рекламные проспекты. На полированной столешнице виднелись многочисленные кольцевые отпечатки.

Бессонова, насупившись, достала из тумбочки пластмассовое блюдечко с рюмками. Колесов ловко откупорил бутылку.

– Мне немного, – сказала Аллахова.

– Я не буду, – отказалась Бессонова.

Я понимала, что сейчас происходят «смотрины», меня проверяют «на вкус и на цвет».

Колесов был понятен, его интерес ко мне элементарно прост. Но доверие Аллаховой нужно еще завоевать. В ее глазах я должна стать этакой лихой бабенкой, которая если еще не научилась ловчить и воровать, то и не против того, чтобы этому научиться, а пока любит пожить в свое удовольствие, не делает из моральных вопросов проблем и умеет пить.

Это была роль Нилы Снижко из первого акта…

Только здесь была не сцена, здесь все было всерьез. Делам Колесова и Аллаховой соответствовали вполне настоящие статьи Уголовного кодекса. И в бутылке, которую держал Колесов, находился не чай, как на сцене, а настоящий коньяк, который нужно было пить.

Что ж, я и буду пить!..

Я молча подвинула Колесову свою рюмку. Я не сказала: «Ах, мне немножко, чуть-чуть!» Он налил половину, помедлил. Я молчала. Тогда он наполнил рюмку до краев и себе налил столько же. Из портфеля достал целлофановый пакет с засахаренными дольками лимона, надорвал его и положил на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.